

Борис ГУЦИН
г. Петрозаводск

Байк-мемориз

Сопутствие

76 лет – чудный возраст для писания мемуаров. Если сегодня не напишешь – завтра будет поздно. Как справедливо сказал М.Жванецкий: «Мудрость и маразм приходят одновременно». У меня такое впечатление, что ко мне они пока ещё не пришли, но вот-вот... А смогу ли я написать так называемые мемуары. Надо подумать. Сам я люблю читать мемуарную литературу, и моими любимыми в этом жанре являются «Былое и думы» А.Герцена, «Люди. Годы. Жизнь» И. Эренбурга, «Мои воспоминания» князя Сергея Волконского. И если Герцена и Эренбурга знают почти все, то о князе Сергее Волконском нужно сказать особо. Он был театральным чиновником. В 1920-е годы в эмиграции он написал довольно объёмистые мемуары, их Марина Цветаева переписала от руки и предпослала к ним предисловие, которое назвала «Кедр». Так что – рекомендую.

Нет, не смогу я написать мемуары. Тем более

что память выхватывает из жизни только эпизоды. Целой картины прошедшей жизни у меня нет. Не знаю почему. Могу высказать предположение. Наверное потому, что в детстве я был очень смешливым, чуял смешное иногда там, где другие его не видели. Сейчас понимаю, что, возможно, это вовсе не было смешно, просто мне так казалось. За это я бывал наказан. Так во втором классе злющая учительница Ольга Васильевна часто оставляла меня без обеда, закрывала после уроков в классе и запрещала что-нибудь делать, хотя я всегда хорошо учился; отличником не был, но был вечным «хорошистом». Так что Ольга Васильевна мою смешливость несколько повыбила. Позже смешливости поубавила окружающая жизнь, в которой было и драматическое, и трагическое. Но почему-то это как-то сгладилось со временем, а что-то, по моему мнению, забавное, осталось. Отсюда определение жанра моего опуса – байк-мемориз. Мемуары из баек.

Буду рад, если кто-то это прочтёт. Чтение – это не только поучение, но и развлечение. Во всяком случае, поучать никого я не собираюсь.

Борис Гуцин,
август 2017 г.

Я лежал в мавзолее

Летом 1948 года перед поступлением в 1-й класс папа и мама повезли меня в Москву, благо там было у кого остановиться. Я влюбился в Москву с первого взгляда, поняв сразу, что это мой город. На следующий год с Ленинградом этого не произошло. Мне показалось тогда, что этот город не только не для меня, но и не для ленинградцев, которые там живут; во всяком случае, не для тех наших знакомых, с которыми мы общались. А Москва почему-то сразу стала моей. Папа и мама водили меня в Исторический музей, в Третьяковскую галерею, в зоопарк и, конечно же, в мавзолей Ленина. Надо сказать, что у меня маленького уже началась близорукость. Но ни я, ни папа с мамой пока этого не замечали. Мы выстояли большую очередь и вошли в мавзолей. Я даже не предполагал, что там будут ступеньки вниз. Тем более из-за своего маленького роста за спинами людей я ничего не видел, оступился и покатился кубарем вниз. Несколько секунд полежал у саркофага (полежал всё-таки!) и дождался папу с мамой. К сожалению, я не помню реакции родителей. Во всяком случае, мы с ними никогда не вспоминали этот случай и никому о нём не рассказывали.

Дай пять

Историю я любил, и в школе у меня по истории были чаще всего пятёрки. Однажды я ответил на уроке учительнице Серафиме Алексеевне, и та говорит:

– Дневник.

Я пошёл к парте, взял дневник и подошёл к столу учителя. Учительница молча что-то писала в журнале. Потом она оторвалась от писания и без всякого выражения произнесла:

– Дай пять.

Я протянул ей свою пятерню. У меня и мысли не было, что она просит дневник.

Серафима Алексеевна и ребята смеялись до слёз.

Монтёрская мистика

Дизельно-генераторная станция мастерской капитального ремонта, где я работал автоэлектриком, обслуживала не только мастерскую, но и небольшой жилой массив в этом районе. Электричество подавалось по воздушным линиям, т.е. по проводам на деревянных столбах.

Однажды вечером перед концом рабочего дня приборы на щите показали, что на линии где-то обрыв. И немудрено. С утра бушевала сильнейшая вьюга. Тут же нам позвонили из здания бывшей МТС (машинно-тракторная станция) и попросили побыстрее устранить аварию.

Механик Михаил Иванович говорит мне:

– Бориска, прихвати небольшую бухточку провода и отправляйся. Смотри, я на щите вырублю эмтээсовскую линию и вешаю бирку «Не включать. На линии работают».

Желания, конечно, у меня не было: темень, вьюга завывает, но надо так надо. Это наша обязанность. Тем более ничего особенно сложного: на земле нарастил провод, залез с ним на столб и ещё раз нарастил. Слез – и всё тут. Я взял провод, на плечо монтёрские когти, на талию – пояс с цепью и карабином и пошёл.

Линия короткая: километра полтора. Но здорово намело. Ветер. Темно. Тем не менее я довольно быстро нашёл обрыв, нарастил провод, взял его в руки и полез на столб. Только я добрался до изолятора, на который надо было натянуть сращенный провод, у меня упали пассатижи. Я, матерясь, начал спускаться со столба. Нарощенный провод у меня тоже, естественно, упал, ведь я его даже не успел хоть как-то закрепить. Всё это происходило на фоне темени, вьюги, холодины и глубокого, выше колена, снега. Спустился, я начал своё достаточно долгое путешествие вокруг да около столба в поисках инструмента. Всё нашёл. Подошёл к столбу, обхватил его поясом и полез. Дoleз до верху, и у меня что-то случилось с головой; на столбе не было ни изоляторов, ни проводов. Он был чист. Хотя старые отверстия от изоляторных крючков остались. Глянул вниз – никаких упавших проводов тоже не видно. Я испытал страх потери материалистического детерминизма, ослабил полностью силу когтей, обхватил руками голый столб, съехал на пузе и сижу в сугробе, прихваченный к мистическому столбу страховочным поясом. Никакое объяснение происшедшему не приходило в голову. Очухался. Отцепил пояс. Пошёл по своим круговым следам. Объяснение оказалось очень простым. Совсем рядом с моим столбом стоял столб от старой радиoliniи. На него-то я и залез. Материализм победил. Я с радостью сделал своё дело и вернулся в мастерскую. Напарникам ничего не сказал: засмеют. Рассказал через пару месяцев. Не засмеяли, но посмеялись. Вместе со мной.

Рабочие шуточки

Мои друзья по авторемонтной мастерской были честными, порядочными людьми, отличными мастерами своего дела. Разве что любили выпить, но старались не перебирать: работа наутро ответственная и временами тяжёлая. Юмор у ребят был забавным, но иногда жестковатым. Так, в бане, когда один из нас, моя голову, сидел с намыленной физиономией и закрытыми глазами, кто-нибудь под-

менял ему таз горячей воды на холодную. Нам было очень смешно, когда он бухался башкой в таз холодной воды, ожидая там горячую.

В столовой блины нам подавали в свёрнутом виде. Берёшь на кончике ножа немножко горчицы – и туда её, в межблинье. Тоже забавная реакция языка.

Девушки-поварихи один раз отличились в отношении меня. Я как-то ремонтировал проводку на кухне нашей рабочей столовой и нечаянно уронил ролик в большой бак с мясом и, честно говоря, в тот момент не понял, куда он делся.

Прихожу на обед, беру котлеты, ковыряю их вилкой, и о радость: в одной из котлет – тот самый злополучный ролик. Посмеялись. Без всякой обиды.

Лесные братья

Наш посёлок Умба в 1950-е годы короткий период официально назывался «посёлок Лесной».

В 1959 г. мы с моим партнёром по художественной самодеятельности Димой Александровым вели праздничную концертную программу в районном клубе. Гвоздём программы должен был стать маленький эстрадный ансамбль с какого-то дальнего лесопункта. Ребята приехали чуть ли не к самому концерту. Но нам некий товарищ сказал, что участвовать они в концерте не будут. Это решил райком партии. Мы с Димой удивились, как, мол, это так, ведь райкомовцы не слышали ансамбль. Уже позже мы узнали, что ребят не допустили на концерт из-за названия. Обозвали себя ребята так: ансамбль «Лесные братья».

Честно говоря, в то время мы не знали, кто такие «лесные братья».

Бешеная

Это произошло летом 1960 года в Умбе. Год назад несколько моих знакомых девушек, в их числе одноклассница Оля, уехали учиться в Каргопольское педучилище. И вот они приехали на свои первые каникулы: даже не на каникулы, а на педпрактику в пионерский лагерь, наш чудный лагерь на берегу Белого моря. С ними приехала девушка Лида, с которой мы тут же подружались. Навеки. Лида стала приходить в посёлок на танцплощадку, и мы с ней вроде бы танцевали, а потом я её провожал до лагеря 3 километра.

Лида нравилась не только мне. На неё положил глаз и местный хулиган Лёнька Крива. На танцах всё время к Лиде приставал. Я как-то деликатно вроде бы его упрощивал: отстань, мол, от неё. А он мне нагло так:

– А что ты мне сделаешь? Ведь ничего.

И вдруг неожиданно изо всей силы ногой ударил

меня в живот. Я упал и лежу скучаю. Очень больно. А музыка звучит наша с Лидой любимая: «Маленький цветок» Бише. Он хватает Лиду, та вроде не противится, и они как бы танцуют. Топчутся на месте. И что я вижу, лёжа в своём углу. Лида снимает туфлю (каблучки были «гвоздики») и что есть сил ударяет туфелькой Лёньке по кумполу. Башку ему пробил, кровь хлещет. Они уже стоят на месте, и Лида с огромным усилием, двумя руками выдёргивает каблук. Лида быстро подбегает ко мне и:

– Боря, быстро бежим.

Мы убежали и напрямиком к лагерю. Живот здорово болел, и по пути я не раз приседал у кустиков. Мечта была одна: быстрее расстаться с Лидой, прийти домой и завалиться в постель.

Через пару дней встречаю на улице Лёньку Криву с забинтованной головой. Тот хохочет:

– Ну и баба у тебя бешеная! Это надо меня так уделывать!

Посмеялись и разошлись.

Лида вскоре уехала, и я её больше никогда не видел и ничего о ней не слышал. Ждал, что она напишет. Не дождался.

Через много-много лет Ольга мне сказала, что Лида ждала от меня письма. Не дождалась. Через год уехала, выйдя замуж за офицера, не оставив никому адреса.

Когда я слышу «Маленький цветок», у меня перед глазами всегда встаёт Лида.

Я – комсомолец

Впионеры я вступил в третьем классе и принимал участие во всём, что делалось. Это было сначала. Потом мне стало скучновато, и в комсомол я решил не вступать. Тем более я осознал, что в комсомоле очень часто довлеет «надо» над «не хочу». Эгоизм победил. Сразу оговорюсь, что я не был каким-то оголтелым эгоистом. Просто мне казалось, да и теперь кажется, что личная свобода (хотя бы крохотная) лучше зависимых карьерных (а комсомол – это карьера) возможностей.

Я работал в мастерской капитального ремонта. Было мне 20 лет, и не было у меня никаких мыслей связать себя с комсомолом. Я думал о поступлении в вуз. Вот тут-то меня и поймала первый секретарь райкома ВЛКСМ Тома Горосова. Она была вхожа иногда по праздникам в нашу рабочую компанию. И вот во время одного из наших «банкетов» Тома мне и говорит:

– Я слышала, ты в вуз собираешься поступать.

– Собираюсь.

– Так вот. Похоже, что в этот год (1960) в вузы будут принимать только комсомольцев и членов

партии. Во всяком случае, им будет огромное преимущество.

– Тома, я не хочу в комсомол.

– Ну вот что! Не хочет он. А в вуз хочет. Завтра утром к 9, а лучше ещё раньше приходи в райком, и я выписываю тебе билет. Без всякого бюро.

Утром я поплёлся в райком, где Тома выписала мне комсомольский билет. И никуда мне уже было не спрятаться. В этом же месяце меня назначили пионервожатым в 7 класс. Это тогда было модно: вожатые-производственники. В стране с огромным успехом шла кинокартина по сценарию Хмелика «Друг мой, Колька», где главный герой был именно такой вожатый из гаража.

Общаться с пионерами и пионерками мне понравилось. Мы провели два сбора, где мои пионерки спели без официального школьного разрешения «Албанское танго» и «Над Канадой». Всем всё понравилось, и я повёл их на экскурсию к себе в мастерские. Мальчишек обеспечил книгами Александра Беляева и Герберта Уэллса из своей библиотеки. Вспоминаю своих пионеров с удовольствием. Когда приезжаю в Умбу, мне всегда звонит одна из моих бывших пионерок. А в университет я поступил только через год, и, кажется, моя принадлежность к комсомолу на это вряд ли повлияла. Хотя как сказать, в нашей группе все были комсомольцами, а несколько человек – членами партии.

Блеск характеристики

До 20 лет я жил в Мурманской области в посёлке Умба, там же окончил среднюю школу и три года проработал электриком в мастерской капитального ремонта Умбского леспромхоза. Работа мне нравилась, особенно отличный дружный коллектив. Но после 2-х с половиной лет работы я понял, что это не моё. Склад мышления у меня всё-таки гуманитарный, а не технический. Я решил поступать в вуз на историко-филологический факультет. Нужна была характеристика с места работы. Я пошёл к начальнику, который мне сказал:

– Пусть напишет твой механик Михаил Иванович, а я подпишу.

Я пошёл к механику, который мне заявил:

– Ничего я тебе писать не буду. Если тебе надо, сам и напиши. А я посмотрю и отдам начальнику на подпись.

Кто же лучше меня самого знает меня же? Я и написал. Старался. Даю Михаилу Ивановичу. Тот прочитал и говорит:

– Я не понесу такую характеристику начальнику. Он не подпишет.

– Почему?

– Потому... Без такого ценного работника, каким ты нарисовался в характеристике, наша мастерская развалится. Я вообще называл тебя «скрытым резервом производства», а тут ты прямо ударник коммунистического труда. Скромнее надо, Бориска, скромнее. Перепиши.

Переписал. Подписал. Поехал. Поступил.

Борьба за звание

Может, это и анекдот, но моя двоюродная сестра, работавшая в геологической партии, уверяла меня, что это чистая правда.

В конце 1950-х годов в СССР развернулось соревнование за присвоение лучшим работникам званий: «Бригада коммунистического труда», «Коллектив коммунистического труда», «Ударник коммунистического труда».

Так вот, моя сестра утверждала, что это именно в их партии успел два дня провисеть лозунг: «Наша партия борется за звание коммунистической».

Университетские антики

Иван Иванович

Иван Иванович Кяйвярайнен слыл среди студентов националистом. По-моему, совершенно несправедливо. Он просто не любил тупиц. Причём как славян, так и финно-угров. Жаловались на него чаще всего представители братских народов; наиболее ярких тупиц из них Иван Иванович любил спрашивать:

– А вы знаете, сколько в Киеве (Минске) вузов?

Или:

– Ну как вам пришёлся наш суровый северный край?

Двухметровый гигант мощного телосложения на некоторых студентов нагонял страх. Мой друг Толя называл его «добродушным гигантом», хотя вместо добродушия у Ивана Ивановича чаще всего преобладал едкий сарказм:

– Что вы читали из французских просветителей, Василий?

– Я Вольтера читал.

– И что вы вычитали из Вольтера?

Или ещё:

– Какую тему для курсовой вы выбрали, Вороненко?

– Чартизм в Англии, Иван Иванович.

– Вы когда-нибудь слышали такую фамилию: Диккенс? (*Диккенс много писал о чартизме. – Б.Г.*)

– Нет. Не слышал.

– В 1950-е годы вышло 30-томное собрание со-

чинений Диккенса. Почитайте. Потом обсудим вашу тему.

Кроме новой истории Иван Иванович читал спецкурс по истории Великой Французской революции. Читал он этот курс блестяще и без единой бумажки, просто сидя на стуле в отдалении от кафедры.

Наум Фадеевич

Наум Фадеевич Славин вёл историю СССР периода революции. Научные же его интересы концентрировались на истории партии «Народной свободы», т.е. кадетов. И, несмотря на то что Наум Фадеевич был человеком скромным и весьма осторожным, нам на его лекциях было интересно именно потому, что мы понимали, что революцию делали не только большевики, но и кадеты, эсеры и много кто ещё. Наум Фадеевич говорил о том, какой интересный писатель Владимир Владимирович Набоков (тогда запрещённый) и что скоро его у нас издадут, что вскоре и произошло.

Борис Семёнович

Борис Семёнович Попков запомнился тем, что заставлял нас конспектировать 40 работ Маркса и Энгельса, касающихся новой истории, и горе тому студенту, который приходил без толстой тетради с конспектом классиков.

Ещё Борис Семёнович давал довольно большой список монографий изучаемого периода. На экзамене его любимым вопросом, касающимся какой-либо из этих работ, был следующий:

– Скажите-ка мне, какого цвета эта книжечка.

Сразу становилось понятно, читал её студент или нет.

Александр Григорьевич

Александр Григорьевич Гидони работал в университете, наверное, года два и вёл у нас спецкурс «История Кубы».

Это был молодой и самый лихой преподаватель того периода. Его отец, искусствовед, автор первой монографии о Н.К. Рерихе. Александр Григорьевич работал сразу над двумя диссертациями: о деятельности Хосе Марти (история) и творчестве тогда ещё не издаваемого Игоря Северянина (филология). На лекциях он лихо читал на испанском стихи Хосе Марти и тут же в стихах переводил их на русский. Причём без бумажки. Помню одну фразу: «Я настолько мужчина, что мне тесно в штанах». Александр Григорьевич постоянно играл со своими студентами в футбол в ямке пединститута. Зачёт он принимал у нас в кафе «Весна», где теперь «Дежавю».

Вскоре, будучи в Италии, он стал невозвращен-

цем, вошёл в редколлегию журнала «Континент» и присылал номера журнала на кафедру всеобщей истории университета. Преподаватели со страхом шарахались от одного вида этих бандеролей.

Константин Иосифович

Константин Иосифович Меделец преподавал у нас в первом семестре первого курса историю первобытного общества, основы этнографии, историю древнего мира и основы античного искусства. Всем нашим курсом он вспоминается как самый лучший преподаватель за все годы нашей учёбы в университете. К лекциям он готовился в Публичной библиотеке и имел всегда под рукой какие-то записи. Самое удивительное то, что он в них почти не заглядывал и трактовал лекционный материал захватывающе интересно. Могу сказать, что на лекции мы и не подозревали, что он пересказывает нам содержание статьи Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Настолько это было эмоционально и остросюжетно. А последняя фраза звучала так: «Всё это вы и сами можете прочесть в статье Энгельса».

И такая остросюжетность истории на каждой лекции. В течение трёх месяцев.

Константин Иосифович принимал первый экзамен у нашей группы с раннего утра до позднего вечера. Он искренне и душевно знакомился на экзамене с каждым студентом: спрашивал, где студент кончал школу, где работал, чем увлекается, что читает, кто у него любимые авторы, какие периоды истории ему наиболее интересны и т.д. Всё это проходило в форме приятной дружеской беседы. Сам же про себя Константин Иосифович никогда и никому не рассказывал. Ни одной мелочи. Жил он в нашем общежитии, и по всем его повадкам было ясно, что ему пришлось посидеть в лагере. Дверь в его комнату запиралась мощным висячим замком, и, кроме того, говорили, что он ставит на дверях «маячки» из нитки или волоса, даже на тумбочке и столе у него в комнате стояли «маячки». Константин Иосифович прекрасно знал немецкий и очень любил говорить на языке с преподавателями иностранной кафедры.

Нам очень хотелось, чтобы Меделец и дальше что-нибудь нам преподавал.

Но оказалось, что наш любимый преподаватель запойный. Это случилось под Новый год. Примерно на неделю. С нами он тоже пару раз выпил в общежитии. И даже в таком состоянии ни слова о себе. Нашего любимца тут же уволили. Он уехал к себе в Ленинград. Мне он оставил адрес и просил приезжать, когда я смогу. Я смог лет через 10. Константин Иосифович открыл дверь со словами:

– Боря, я давно вас жду. Наконец-то вы приехали. Мы пообедали в каком-то ресторане. И опять Константин Иосифович – ни слова о себе. Говорили в основном о книгах, о кино. О себе он сказал, что заканчивает диссертацию о Василии Падуанском. Мы очень тепло расстались с надеждой ещё свидеться. Больше мы никогда не встретились.

Маяковский подвёл

Случай этот произошёл осенью 1962 г., когда я учился в Петрозаводском университете и жил в студенческом общежитии. Театральная студия Дома профсоюзов объявила набор, и мой однокомнатник Витя Голидонов решил туда поступить. Витя был одарённым человеком. Он тонко и глубоко понимал поэзию и своей любовью к ней заражал друзей. Благодаря Вите я тогда полюбил Дмитрия Кедрина и Владимира Соколова. Сам же Витя хорошо поставленным голосом патетически любил читать с эстрады Маяковского и Роберта Рождественского. Витя пошёл на прослушивание.

Приходит в общежитие – на нём лица нет.

– Витя, как дела?

– Не приняли.

– Почему?

– Я стал читать «Гимн войне» Маяковского. Только начал: «Гремит и гремит войны барабан! Зовёт железо в живых втыкать...» А тут молодая женщина в комиссии как захохочет, чуть не до истерики, а я только ей и читаю. Дальше не смог. У неё фамилия оказалась «Живых». Будущая народная артистка России Людмила Филипповна Живых в ту осень только приехала в Петрозаводск и собралась вести театральную студию в Доме профсоюзов.

Учёный Митрофан

Во время учёбы в Петрозаводском университете я жил в студенческом общежитии. Зимой во время сессии заочников к нам в комнату подсадили журналиста из районной калевальской газеты Митрофана Курочкина, у которого уже был почти готов диплом на тему (простите, но тут я могу ошибиться) о роли Калевальской партийной организации в восстановлении библиотек района после Великой Отечественной войны. Митрофан мучился с придумкой названия работы. Он приставал к нам с просьбой обозвать работу. Мы одно время отмахивались, а потом кто-то из нас сказал:

– Митрофан, чего ты паришься! Назови просто

– «Учёные записки Митрофана Курочкина».

Мы прохохотали всю ночь.

Кто у нас хилый?

В нашем общежитии случилась драка. Трое парней – Витя, Толя и Володя – побили Лёню. Все мы считали, что по делу. Если очень коротко, то суть заключалась в том, что Лёня был должен этой троице: каждому по определённой сумме. Он получил перевод из дома, довольно крупный, и исчез из общежития дня на три. Заметим, что эта троица сидела совсем без денег. Явившись в общежитие, Лёня заявил, что денег у него уже нет. Вот тут-то голодные коллеги его немножко и побуцкали.

Обидевшийся Лёня пожаловался декану Сергею Павловичу Сюнёву, довольно остроумному человеку, которого очень любили студенты. Я совершенно случайно присутствовал при разборке. Сергей Павлович начал стыдить хулиганов:

– Как вам не стыдно! Три здоровых лба избili маленького хилого Лёнечку!

Тут выступил Лёня:

– Кто хилый? Это я-то хилый?

– А если ты не хилый, то чего же ты ко мне жаловаться пришёл?

Этим всё и кончилось. Все посмеялись и разошлись. Долги свои Лёня отдал. Попозже.

Уход левых эсеров

Зимой 1965–1966 г. я был на практике в 9-й школе Петрозаводска, в то время лучшей школе города, которой руководил знаменитый педагог Исаак Самойлович Фрадков. В то время в этой школе были только 9-11 классы. Я был на замещении нескольких педагогов: кто в декрете, кто защищает кандидатскую, кто-то серьёзно заболел. Было у меня, кажется, 24 часа в неделю. (Заодно и заработаю, только что женился.) Моё счастье состояло в том, что я вёл историю в параллельных 9-х и 11-х классах. Так что, по сути, подготовка к двум урокам. Особого труда мне это не составляло. В 11 классах у меня была самая что ни на есть новейшая история. Прямо сегодняшней день. А в 9 классах – история СССР периода Великой Русской революции. Я старался сделать уроки интереснее, если можно, то как-то театрализовать их, дать название. Помню название одного урока по новейшей истории: «Гангстер Фигон и его магнитофон». Здесь же в 9 классе название урока звучало достаточно лапидарно: «Брестский мир». На уроках мы инсценировали дискуссию большевиков и левых эсеров о заключении мира. Часть учеников у меня была большевики, часть – левые эсеры.

Начался урок. Пошла дискуссия. Достаточно оживлённая. И вдруг неожиданно Лёва Парамонов, который говорил за левого эсера Прошьяна, заявляет:

– Фракция левых эсеров констатирует, что она

категорически не согласна с позицией большевиков и вынуждена покинуть зал заседания! – И эти эсерствующие девятиклассники встают и уходят из класса.

Что мне оставалось делать. Я сначала растерялся. Потом посмеялся с оставшимися. С ними и продолжил урок.

Прошло лет 30. Моя бывшая ученица Галя стала моей коллегой – архитектором-реставратором. Как-то она меня спрашивает:

– Знаешь, какая у тебя была кликуха тогда в девятих?

– Нет.

– Сексуал-демократ.

Ну что ж, для молодого учителя тех лет не особо обидно. И смешно.

Откуда вы взяли эту тему?

В 11-х классах у меня иногда бывали уроки-лекции по новейшей истории. Говорить о том, что об этом пишут наши официальные газеты, было скучно и неинтересно. Я подключился к полуофициальному новостному источнику, где печатали то, чего не было в «Правде», «Известиях» и им подобным.

Это были «Атласы ТАСС. Для служебного пользования». У нас на факультете была лекторская группа, которой руководил Александр Лазаревич Витухновский. Я в эту группу не входил, но, тем не менее, подъехал к Александру Лазаревичу; он вошёл в моё положение и исправно снабжал меня атласами. Мне кажется, что иногда на моих уроках не было скучно.

В программе была и такая тема «Современное искусство Запада». Упоминались только три художника, три кита-коммуниста: Франс Мазерель, Пабло Пикассо и Ренато Гуттузо. В учебнике, во всяком случае в моём, эта тема вообще не затрагивалась. Мой хороший знакомый, аспирант кафедры всеобщей истории Жора Шоймер (будущий писатель-детективщик Георгий Миронов) обладал роскошной коллекцией диапозитивов по западному искусству. Я и сказал ему:

– Жора, давай выступим в 11-х классах на пару и покажем им картинку.

– На тему, что мы видим на этой картинке?

– Ага.

Жора согласился. Я был переполнен счастьем. Мы собрали в зале всех одиннадцатиклассников, и Жора начал. Я лишь изредка вставлял пару слов. В основном обличал модернистов.

Мои так называемые дети (я был старше их на восемь лет) увидели Сальвадора Дали, Василия Кандинского, Рене Магритта, Ива Танги... Жора имел колоссальный успех. Через несколько дней меня пригласили и спросили:

– Откуда вы взяли эту тему? Её же никто из учителей не даёт. К счастью, у меня в портфеле была программа, и я показал «откуда».

Мне сказали: «ну-ну», и этим всё кончилось. Меня даже устно похвалили.

А я всю свою жизнь жалею, что не стал школьным учителем.

Последний экзамен

Университетские выпускные экзамены я сдавал уже работая на острове Кижы; ездил в город. Оставался последний: методика преподавания истории. Мне, честно говоря, было не до него. Я готовил экскурсию, на которую меня могли выгнать в любой день. Директор уже начал смотреть на меня косо: мол, почти месяц живёт на острове, а на экскурсию так и не выходит. Так что русское деревянное зодчество, иконопись и этнография Севера мне были куда ближе какой-то методики, которой, как я по молодости считал, а теперь и по старости считаю, нет как нет. Учитель или может, или не может. Вот и вся методика. Мысли мои по поводу последнего экзамена развивались так: я вроде бы неплохо учился, на «хорошо» и «отлично», правда, есть пара «удов» – значит, на диплом с отличием я никак не тяну. А с другой стороны, кому нужно заваливать меня на последнем экзамене, так, чтобы я не получил диплом. Никому. И я пошёл на риск. Не прочитал ни строчки по методике. Председателем комиссии был доктор исторических наук В.И. Машезерский:

– Берите билет.

Я вытащил, заглянул в него и говорю:

– Этот вопрос покрыт для меня глубоким мраком.

– Как вы сказали?

– Глубоким мраком.

Я одновременно обнаглел и со страху похолодел.

Машезерский начал долго изучать мою зачётку. Поизучал и поставил «удовлетворительно». Мой риск оправдался.

Экскурсия была на следующий день.

Зачем тебе диплом?

Мой однокурсник Толя пришёл в университет, имея за плечами службу в армии и работу шофёром. Уже на практике, учась на пятом курсе, он слегка проштрафился, и это дошло до декана Сергея Павловича Сюнёва, который и вызвал моего друга к себе для профилактической беседы.

Надо сказать, что Толя обладал своеобразным чувством юмора, иногда обижающим собеседника. Декан же Толин юмор понимал и особо не обижался. Сергей Павлович начал беседу примерно с такой фразы:

– Учим мы тебя, учим, Анатолий, уже пятый год,

а ты на практике такое вытворяешь, хоть выгоняй тебя из вуза. Вот ты мне откровенно скажи, зачем тебе диплом и что ты собираешься делать после университета.

– После университета я, Сергей Павлович, пойду в автоколонну 1126, получу грузовик ЗИЛ-151 и буду на нём ездить.

– Ну хорошо. Езди себе на здоровье. Ты мне скажи, диплом-то тебе зачем?

– Как зачем! Я его прикреплю на ветровое стекло. Красиво будет!

Адрес моего друга Толи

На третьем курсе мы ожидали, что нас пошлют на картошку, но в совхоз нас не послали, и лекции начались 1 сентября. Учимся мы уже несколько дней, а Толи нет как нет. Декан Сергей Павлович спрашивает меня:

– Где твой друг?

– Не знаю.

– Узнай, и срочно пусть приезжает.

Только прихожу в общежитие, получаю письмо от Толи. Поэма, а не письмо. Суть же заключается в том, что он утопил в болоте свои парадные ботинки, а он носит только модельную обувь фирмы «Заря», а из их деревни заказы не принимают, так что я должен их заказать и переслать ему по такому адресу:

«Ленинградская область, Лодейнопольский район, Почтовое отделение Тервеничи, деревня Средний Двор, первый дом у дороги. Дяде Ване О. для сына его Толи».

Показал письмо Сергею Павловичу. Адрес ему понравился. Он сказал:

– Пошли ты ему срочно. Если у тебя денег нет, я дам.

Послал заявку. Получил. Переслал. Толя приехал.

Ты настоящий коммунист

Мало того что Толя окончил университет, он закончил ещё юридический институт и работал в милиции. Со своеобразным юмором капитана милиции сталкивались не только коллеги.

Однажды морозной зимой, работая в одном из районных центров, Толя был в застольной компании с первым секретарём райкома. Тому от выпитого стало немного не по себе, и он сказал Анатолию:

– Толя, мне чего-то стало плохо. Давай выйдем на крыльцо, и ты польёшь мне на голову.

Теперь представьте. Картина маслом. На крыльце одного из домов капитан милиции поливает холодной водой голову первого секретаря райкома и говорит:

– Ну, ты настоящий коммунист. Как Карбышев!

Клава, наливай!

Очередная картина маслом, написанная моим студенческим другом Толей.

В университете на параллельном курсе училась девушка Клава. Перед вузом она работала официанткой в одном из районных ресторанов. Девушка общительная, компанейская. Но вот что-то у неё случилось (я не знаю подробностей), и её отчислили из университета. Прошло лет 20. Я встретился с Толей, и он мне рассказал следующее:

– Боб, ты знаешь, кого я недавно встретил? Клавку! В каком-то веке меня направили в командировку в Совмин в Петрозаводск. Начальник мой был в отпуске, и пришлось поехать мне. Значит, иду я по коридору Совмина. Гляжу – впереди маячит Клава. Я её хлоп по задку. Начали обниматься после долгой разлуки. Я её и спрашиваю:

– Клава, а ты что здесь делаешь?

– Работаю.

– В буфете? Пойдём отметим встречу. Клава, наливай!

– Нет, Толя. Я работаю заместителем председателя Совета министров.

Вот такой конфуз со мной вышел. Больше поди-ка в Совмин не направят.

Из бытового словаря 1960-х годов

– **Бабетта** – причёска по имени героини французского фильма конца 50-х гг. «Бабетта идёт на войну». Роль Бабетты играла Брижит Бардо.

– **Бельдюга** – рыба с таким названием ласкала наш слух, лёжа на прилавках гастрономов в конце 1960-х гг.

– **Верблюжатина (рест.)** – сигареты «Кэмел».

– **Взрыв на макаронной фабрике** – причёска.

– **Жо...а-рожа** – автомобиль «Запорожец».

– **Завтрак интуриста** – консервы с рыбокрупным фаршем «Завтрак туриста».

– **Конина (рест.)** – коньяк.

– **Краска** – красное сухое алжирское вино. «Им в Африке арабы и негры заборы красят».

– **Крановщица** – продавщица разливного бочкового пива.

– **Крылья Советов** – аперитив «Степной». На этикетке был изображён орёл.

– **Мокрая собака** – женская осенне-зимняя шапочка.

– **Не дать – не взять** – колготки.

– **«Повесть о настоящем человеке»** – романы И.Ильфа и Е. Петрова «12 стульев» и «Золотой телёнок».

– **Полюби меня, Гагарин!** – причёска.

– **Синяя птица** – курица.

– Сучок – бутылка водки за 2 р. 52 коп. Говорили, что её производят из древесного спирта.

– Час волка – 11 часов утра. В 60-е годы алкоголь продавался с 11 часов. Название пошло от волка на часах Театра кукол С. Образцова. Волк появлялся там ровно в 11 часов.

– Членовоз – автомобиль «Чайка».

– Я у мамы дурочка – прическа.

Промельк пощёчины

В одном классе со мной училась Аля, девушка с красивой, но несколько своеобразной фигурой. После окончания школы в 1958 г. мы не виделись 26 лет. Я собрался на 50-летний юбилей нашей школы, приехал в Кандалакшу и пошёл к автобусу рейса Кандалакша–Умба. Смотрю – ко мне задом стоит моя одноклассница Алька. Её фигуру не спутаешь с какой-либо. Осторожно подошёл сзади и крепко обнял её. Женщина начала вырываться; я не отпускаю. Наконец отпустил. Она обращается ко мне лицом, и о ужас! Это не она. В лице, как мне показалось, ничего общего не было с той Алькой. Морщины и какая-то тусклость, что ли. «Всё, – думаю, – сейчас будет по физиономии». А она улыбается и громко кричит:

– Борька! Откуда! Бежим на автобус – он через минуту отходит.

Это была Аля. Редкий случай, когда через много лет у женщины изменилась не фигура, а лицо.

Вкусные котлетки

Вне очень-то сытые 1980-е годы я иногда покупал по талонам ромштексы из рубленого мяса. Далеко не всегда они были. Чтобы как-то облагородить эти котлетины, я начинал их фаршем из крутых яиц и жареного лука. То есть делал из них зразы, которые очень нравились всем домочадцам, особенно четырёхлетнему сыну Роме. И вот как-то во время большой паузы, лишённой зраз, Рома сказал:

– Папочка, я хочу тех вкусных котлеток, которые так неприлично называются.

– А как, Рома?

Рома молчал-молчал, а потом выдал:

– Сволочь.

Почему Пакистан называется Пакистаном

Наша маленькая дочь Юля часто оставалась лет в 5-6 дома одна с включённым батарейным приёмником, который она, естественно, слушала.

В то время у нашей страны были напряжённые отношения с Пакистаном.

Приходим один раз с работы, Юля и говорит:

– А я знаю, почему Пакистан называется Пакистаном.

– Почему, Юленька?

– Потому что они нам всё время делают пакисти

Ему снились... попугаи

Сначала о петухе.

В Кижках в первые годы нашей работы мы жили в двухэтажном административном здании. Оно же – общежитие. А у старого реставратора Михаила Кузьмича Мышева, жившего здесь же, были две курочки и огромный многоцветный петух, птица редкостной злобы. Обычно куры порхались на тропе, ведущей к люфт-клозету. Бравый красавец не пропускал ни одной юбки, особенно с голыми ногами. Сначала он шёл параллельно с дамой, о чём-то кококал, потом начинал волочить одно крыло, неприятно склонив голову набок. В глазах появлялся красный блеск, и вдруг он, словно коршун, налетал на невинную жертву, больно клюя её за икру. Экскурсовод Тоня как-то поймала героя, избила его до полусмерти и выбросила на пыльную дорогу. Петух выжил, а Тоня стала ходить в туалет теперь только с провожатыми.

Году так в 1974 мы с моей восьмилетней дочкой Юлей поехали в Москву на зимние каникулы. У Юли был билет на ёлку во Дворце спорта в Лужниках. Ёлка понравилась. На следующий день мы отправились в зоопарк. Конечно, зимний зоопарк не то что летний. И тем не менее. С одного места на другое нам предложили пройти через птичник. Мы и пошли. Заходим в огромное длинное-предлинное помещение, которое мы должны пройти из конца в конец. Ни одного человека. Зато много птиц в клетках и без. Только мы начали свой путь, откуда ни возьмись – огромный, почти мне по колено цветастый попугай ара. Идет он параллельно с Юлей, голову склонил набок, что-то говорит непонятное и маленькое крылышко приволакивает. А клюв у него огромный крючковатый. Я взял Юлю за другую руку. Теперь красавец пошёл рядом со мной и говорил всё возбужденнее и возбужденнее. У меня сердце ушло в пятки: идти предстояло ещё долго. К счастью, обошлось. Физически. А психологически – в самых страшных снах мне с той поры снятся попугаи.

Автограф Хемингуэя

Мы были в гостях у подруги детства моей жены Виолы. Подругу звали Зина. А у неё был брат Борис, дипломат. Именно он был на том самом корабле, на котором в 1959 г. А.И. Микоян прибыл на Кубу для первой встречи члена советского правительства с Фиделем Кастро. Борис рассказывал об этом визите много интересного, в том чис-

ле и о том, что члены советской делегации встречались и с Эрнестом Хемингуэем.

– У меня даже фотография есть с его автографом. Одно жаль. Я не могу даже похвастать ею где-нибудь в прессе.

– Почему же? Этого быть не может.

– Может. Папа Хэм рассказал нам, что, будучи в конце 30-х годов в Испании во время Гражданской войны, он подружился с советскими журналистами и знает даже ряд русских слов. Даря нам фотографии, он сказал: «Я подпишу вам их по-русски. Так меня звали мои друзья, русские журналисты». Борис пошёл искать фотографию. Нашёл. Действительно на фотографии было написано нечто: «Жопа. Hemingway».

Как я начал курить

Курить я начал поздно, в 26 лет. И вот как это случилось.

Краткая предыстория. Школу я окончил в 1958 году. Из мальчишек у нас курили единицы. Девчонки – ни одна не курила. Директор школы Соломон Дмитриевич Коган так боролся с выявленными курильщиками: пригласит к себе в кабинет, усадит в кресло, положит на стол пачку «Беломора» и настоятельно предложит закурить. После этого проведёт курильщика с папиросой в зубах по всем классам. После такого дефиле многие бросали. Я не курил.

Поступил на работу в ремонтно-механические мастерские автоэлектриком. В коллективе не было ни одной женщины. Курили почти все. Я не курил даже при корпоративных застольях.

В университете жил в общежитии, где все мои однокомнатники дымили как паровозы. Я не курил.

В 1967 году я поступил на работу в музей «Кижь», где в основном работали молодые женщины и девушки. Почти все они курили. Почти все носили мини-юбки. Как сядут в курилке... Ну, и я с ними... Пришлось закурить.

Бросил ровно через четверть века. Бросал мучительно. Но отказ от сигареты пошёл на пользу. Я имею в виду здоровье.

Плотницкие столовые приборы

В первую зиму работы в Кижях мне довелось привезти на остров зарплату плотникам-реставраторам. Самолёт Ан-2 они встретили всей бригадой и повели меня в маленький магазинчик, прозванный «Голубым Дунаем», хотя цвета он был ярко-зелёного. Я разложил ведомости прямо на прилавке.

– Как, примешь на грудь? – спросил меня бригадир Борис Ёлупов.

Я кивнул.

Борис Фёдорович острым топориком виртуозно нарубил солёного огурчика, а пилой-ножовкой столь же эффектно напилил чёрного хлебушка и протянул мне сэндвич. Бутылку он открыл без применения инструмента.

Начался День реставратора.

Открывай ворота!

В первые годы работы в Кижях я ещё застал замечательного мастера, обаятельнейшего человека Михаила Кузьмича Мышева, или просто Кузьмича, как его называли почти все, с кем он общался. Добрая память о Михаиле Кузьмиче и его образ сохранились в «Кузьмичёвых рассказах» Виктора Пулькина, в фильмах Владислава Виноградова «Кузьмич и другие» и «Групповой портрет с Кижями», в фотографиях Семёна Майстермана.

Когда я начал работать в Кижях, Михаилу Кузьмичу было уже за 80, и он работал уже не прорабом, а сторожем, часто разъезжал зимой на дровнях, в которые запрягал любимую белую лошадь Машку. Машка была звездой. На знаменитой фотографии Василия Пескова «Отечество» (белая лошадь на фоне Кижей) была снята именно она.

Михаил Кузьмич внешне был тихий, замедленный в движениях человек, но с весёлой искоркой в глазах и постоянным чувством юмора. От него исходило доброе душевное тепло, и тепло это чувял каждый, кто сталкивался с ним по жизни.

Дежуря на острове зимой, я как-то подошёл по своим делам к дому Ошевнева, где у взвоза сидел на дровнях Кузьмич и что-то говорил Машке. Я поздоровался с ним и сказал

– Михаил Кузьмич. А как вы раньше заезжали на второй этаж сарая? Мне кажется, лошадь не возьмёт.

Кузьмич тихо и смиренно произнёс:

– Открывай ворота.

Я зашёл в дом, открыл ворота сарая... и ничего не успел увидеть. Я услышал мощное громовое «Но!», ещё что-то и тут же шарахнулся в сторону.

Кузьмич с Машкой, как молния, влетели на второй этаж. Кузьмич тихонько, ворчливо и с некоторой укоризной в мой адрес сказал:

– Как, как... Закрывай ворота!

Непонятный почерк

Бывал в Кижях и председатель Совета Министров РСФСР Г.Н.Воронов. После экскурсии он попросил книгу отзывов и, перед тем как сделать в ней запись, произнёс такую фразу:

– Извините за мой не очень понятный почерк. Все гениальные люди отличались неразборчи-

вым почерком. Вот письма Маркса и Ленина с трудом разбирали их жёны.

После этого он берёт книгу и пишет прямо-таки каллиграфическим почерком примерно следующее: «Спасибо сотрудникам музея «Кижы» за их бережное отношение к памятникам старины».

На крыльях финно-угрии

Навигация ещё не началась. Тем не менее по-года для середины мая стояла тёплая, солнечная – вот-вот пойдут теплоходы, которых я уже заждался, дежуря на острове уже вторую неделю. Мне позвонило начальство из Петрозаводска и сказала, чтобы я принял эстонскую киногруппу, которой руководит известный в Советском Союзе журналист Леннарт Мери. Они снимают фильм под условным названием «На крыльях финно-угрии» и через пару часов будут на острове. Ну что же, я готов. Приму. Эстонцы прилетели точно через два часа на вертолёте «Ми-8» и сели недалеко от карельского дома Яковлева. Поснимали снаружи. Внутри. Поблагодарили. Я спросил:

– В Преображенскую церковь пойдём? Ключи у меня в кармане.

А Мери ответил:

– Нет, нам это не надо.

Киношники сели в вертолёт и улетели.

Через несколько лет Леннарт Мери стал первым президентом независимой Эстонии.

Как твоя фамилия?

В 1965 году в Петрозаводске состоялось выездное заседание Союза советских писателей. Обсуждался журнал «Север». Писателей повезли и на остров Кижы. Там их повели к знаменитому плотнику-реставратору Михаилу Кузьмичу Мышеву. Среди писателей был поэт Александр Андреевич Прокофьев, как две капли воды похожий на недавно снятого Н.С. Хрущева.

Жена Кузьмича Мария Васильевна достала заветную бутылочку и наливает всем гостям, кроме А.А. Прокофьева. Ей говорят:

– Что же вы, Мария Васильевна, Александра Андреевича-то обносите.

Мария Васильевна подходит к Прокофьеву и спрашивает:

– Мил человек, а твоя фамилия случайно не Хрущ будет?

Ой, тюрьма!

Замдиректора музея «Кижы» по реставрации памятников Борис Васильевич Моталёв, простоватый на вид человек из народа, весьма своеобразно подписывал акты на приёмку работ,

которые ему приносили на подпись чиновники от реставрации. Он водружал на самый кончик носа очки, медленно листал страницы актов и постоянно приговаривал:

– Ой, тюрьма! Ой, тюрьма!

Потом он брал ручку, закатывал качаловскую паузу и подписывал документ.

Иногда эта церемония происходила совсем иначе. Борис Васильевич очень серьёзно молча изучал документ. После этого он захлопывал папку, вставал и, ни слова не говоря, подавал эту папку представителю реставрационной мастерской. Тот, не говоря ни слова, уходил с неподписанными документами.

Всё было ясно. Там-то и была тюрьма.

Все в огонь!

Во время летнего дежурства по музею «Кижы» по долгу службы зашёл на пожарный катер, постоянно дежуривший на погосте рядом с Кижским ансамблем.

Командир экипажа Владимир Г. как раз занимался «разборкой полётов».

– Что говорить, мужики... В нашей с вами службе что главное... Если что случится... Всем в огонь... Всем награды... Посмертно.

Привычка

Одно время на острове Кижы в ресторане были комплексные обеды, которые стоили один рубль. Прихожу в ресторан с металлическим рублём в кармане. Не глядя в меню, заказываю официанту Толе В. комплекс. Через некоторое время Толя приносит обед, я его съедаю и жду расчёта. Подходит Толя с новомодным тогда калькулятором («куркулятором») и производит на нём какие-то невероятные расчёты.

– Борис, с тебя рубль тридцать.

– Толя, побойся бога, я съел комплексный обед за один рубль.

– Извини, старик. Привычка.

Питие сока на острове Кижы

Буфетчица ресторана «Кижы» Женя была разжалована со своей должности за недолив, а то и разбавление алкоголя. Её перевели в ларёк торговать соками.

Обиженная Женя теперь так наливала сок своим знакомым, которые, как она считала, её и заложили:

– Тебе как? Недолить или разбавить?

Шуточка

Манечка, сотрудница музея «Кижы», уехала на несколько дней в Петрозаводск. На это время она пустила пожить в кижской квартире своих

друзей Колю и Сашу. Наступил день отъезда-приезда. Стоял жаркий июль.

– Что бы сделать Манечке приятное?– спросил Саша

– Вот что, – обрадованно ответил Коля. – Мы с тобой купим сейчас в магазине две бутылки лимонада и коробочку пластового яблочного мармелада.

– А не мало будет?

– Я думаю, в аккурат. Лимонад мы выльем в ручкойник, а мармелад обрежем по форме мыла и положим в мыльницу. Манечка приедет, на такой жаре помыться захочет. Хоп! А тут мармелад! Хоп! А тут лимонад! То-то радости будет!

Так и произошло. Только без радости.

Картина маслом, т.е. мармеладом.

Девушка несколько лет не разговаривала со своими друзьями.

Чаепитие в Воронежской губернии

В разгаре была научная конференция «Рябинские чтения», которую раз в 4 года проводит музей «Кижы». В перерыве учёные собрались в зимнем садике санаторного комплекса «Белые ключи», где проходил симпозиум. Зашёл разговор о чае. Вспомнили морковный чай гражданской войны, когда морковь натерли на крупной тёрке, сушили и заваривали в заварном чайнике.

В дискуссию включился замдиректора музея Геннадий Юрьевич, человек, которого никогда не покидало чувство юмора.

– Такой же примерно чай заваривали в начале XX века и в Воронежской губернии. Только морковку они не сушили. Клади просто в кастрюлю. Ведь заварной чайник был далеко не в каждой семье... Да, а если у кого была капуста, картошка, так они тоже их туда кидали. Заварят – и едят ложками...

Только почему-то называли это не чай, а щи.

Учёные несколько секунд осмысливали откровение коллеги; потом уже раздался громкий смех.

Свидание с курицей

Во время одного из моих зимних дежурств на острове Кижы я изнывал от скуки. Просто в эти дни ничего не происходило, что на острове в зимние дни случалось редко. И вот радость – мне звонит архитектор-реставратор Лев Салмин и сообщает, что завтра он летит на остров надзирать за объектом, который восстанавливается по его проекту. Меня переполнила неопишуемая радость. Я пошёл в деревенский магазин, купил бразильскую курицу (почему-то в это время СССР был переполнен бразильскими курицами), бутылку хорошего вина (почему-то в тогдашних сельмагах часто встречалось хорошее вино) и стал ждать

Льва. Назавтра я заранее к прилёту самолёта потушил птицу с овощами, накрыл стол и пошёл встречать Льва. Он почему-то не прилетел.

Вы не поверите, но у меня осталось от этого моего обеда на всю жизнь эмоционально отрицательное воспоминание. Я и курица. Это глубоко трагическая сцена – человек в одиночку сидит и ест курицу. Целую. Съел с мысленными слезами на глазах и послал Льву открытку:

*Быть Корбюэе не ниже
Желают Лёве Кижы,
Но только в Кижях Корбюээ,
Дай бог дожждаться нам, друзья.*

Благодарность

Проходя около дома Ошевнева мимо экскурсии, которую вела начинающий, но бойкий экскурсовод Люда, я невольно прислушался и заметил ряд неточностей в рассказе. Зашёл в методический отдел, поинтересовался успехами Люды. Мне ответили, что успехи её блестящи; мол, в книге отзывов и предложений уже две благодарности. Решил почитать. Читаю со скукой объёмистые восторги по поводу чуть ли не каждого объекта и в конце: «Спасибо Люде К. за то, что поделилась с нами своими скромными знаниями».

Методисты были удивлены моему смеху.

Ну что он может поставить

Основатель музея «Кижы» доктор архитектуры Александр Викторович Ополовников был человеком независимым, крутым, часто жёстким. Помню его фразу, сказанную в лицо тогдашнему заместителю министра культуры Карелии Борису Степановичу:

– Болтаетесь тут, как букет в проруби.

С нами он дружил и всегда приглашал к себе в гости, когда мы бывали в Москве. Жил он тогда на Малой Бронной рядом с моим любимым театром, театром гениального Анатолия Эфроса.

Как-то, будучи в гостях у Александра Викторовича, я обмолвился фразой, что вечером иду в театр. Александр Викторович буквально ошаршил меня следующей фразой:

– Я не понимаю тебя. Что ты ходишь в этот театр? Толя Эфрос – мой друг. Мы с ним вместе по Италии ездили. Он такой чудный человек. Добрый, интеллигентный, мягкий. Очень впечатлительный. Ну что такой может поставить!

А я вас знаю

В конце мая 1967 года, когда я только готовил экскурсию и страшно боялся на неё выхо-

дить, к нам в кабинет вошёл директор Владимир Иванович и сказал:

– Хватит сачковать! Пора и на экскурсию выходить. Приехал какой-то француз, а с ним какая-то женщина-искусствовед. Вот тебе ключи от памятников и покажи им всё что можно.

Француз оказался месье Жарду, директор Национальной галереи Франции, а женщина – искусствоведом Антониной Николаевной Изергиной, вдовой академика Орбели. С ними были сын Антонины Николаевны Митя с женой Таней. Мне было очень легко гулять с ними по острову. Это не стало моей экскурсией. Антонина Николаевна очень хорошо умела видеть и говорить об этом окружающим. После их отъезда, недели через две, я получил открытку – репродукцию с работы Сальвадора Дали «Интерлюдия с монстрами». Обратного адреса не было. Зато было написано:

*Вы, вероятно, угадали,
Кто, вспоминая Вас вдали,
Шлёт в полюбившиеся дали
Открытку с опусом Дали.*

Прошло два года, а дежурная по музею сказала, что меня на проходной ждут какие-то две женщины. Одной из них оказалась Антонина Николаевна. Она мне представила подругу:

– Мадам Лида.

На что я сказал:

– Я вас знаю. Вы Лидия Делекторская, секретарь и натурщица Анри Матисса.

В те дни я как раз листал монографию об Анри Матиссе.

Мадам Лида была потрясающе узнаваема, хотя прошли уже десятки лет. Обаяние мадам Лиды навеяло на меня впечатление, что мы с ней знакомы и дружны всю мою жизнь.

Рыбалка Константина Симонова

На остров приехал Константин Михайлович Симонов в сопровождении нескольких сотрудников Карельского обкома партии. Директор музея поручил мне провести с ним экскурсию по острову. Я был счастлив. Мне всегда нравилась лирика поэта Симонова. Нравился и фильм по его роману «Живые и мёртвые». Я знал, что первая публикация любимого тогда романа «Мастер и Маргарита» в журнале «Москва» появилась благодаря Константину Михайловичу. Во время очень краткой экскурсии Константин Михайлович не произнёс ни слова. Зато после экскурсии он оживился, когда я попросил его почитать стихи перед сотрудниками музея, и сказал:

– Я уже давно не читаю своих стихов. Но я хочу поговорить с вами о современной советской литературе и её проблемах.

Я обрадовался. Но рано радовался. Обкомовцы посмотрели на меня как на врага, и кто-то из них произнёс:

– Константин Михайлович, у нас очень мало времени, а у нас запланирована рыбалка.

Небо начало заволакивать тучами, а у причала уже появился катер с заядлым рыбаком и охотником замдиректора Олави. Константин Михайлович смущённо извинился передо мной, и они поплыли в предгрозовое озеро.

Не думаю, что они что-нибудь поймали по такой погоде.

Через несколько лет я узнал, что в тот период К.М. Симонов выступал в защиту некоторых третируемых властью деятелей культуры (в частности, Александра Вампилова). Да и «Мастер» верхам не особо пришёлся по душе.

Так что лучше его на рыбалку увезти, чем дать выступить перед молодёжью.

Бог послал

Одно время у нас дома в городе в прихожей висели несколько лет подряд огромные листовые японские календари. Очень красивые: пейзажи, гравюры, нэцкэ, икебана и т.д. Календарями нас снабжала наша приятельница из АПН, контактировавшая с японскими журналистами. А тут как-то год остался без календаря.

Дело было летом на острове Кижы. Однажды вечером я засиделся в одной кижской компании и пришёл домой поздно. Утром от Виолы я услышал только одну фразу:

– Чем пьянствовать, лучше бы календарь японский достал!

На что я, естественно, ответил:

– Где же тебе его достану здесь на острове!

Утром на работе директор сказал мне:

– Борис Александрович, сегодня на остров приезжают представители японской православной церкви. Встретьте их и покажите Кижы.

Встретил. Показал. После экскурсии они мне и говорят:

– Мы хотим подарить вам календарь с видами Японии, – и вручают мне мечту моей жены. Я, конечно, рассказал им о моём утреннем расставании с женой. Они посмеялись и сказали:

– Это Бог вам послал.

Прихожу домой – небрежно бросаю развёрнутый календарь на стол. Виола спрашивает:

– Откуда?

– Бог послал! – и удалился.

«Я – Мжаванадзе»

В Карельский обком КПСС пришла телеграмма по приезду в республику Мжаванадзе. Фамилию Мжаванадзе в то время знали все жители Советского Союза. Человек с этой фамилией был первым секретарём ЦК Компартии Грузии и членом Политбюро ЦК КПСС. Соответственный звонок раздался и в кабинете директора музея «Киж», мол, товарищ Мжаванадзе собирается посетить ваш музей, так вы там подготовьтесь встретить дорогого гостя. Надо заметить, что в то время членов Политбюро люди знали в лицо. В праздники их портреты вывешивались на площадях.

В назначенный день кижское начальство встречает «комету». Выходят пассажиры. Мжаванадзе среди них нет. Нет и обкомовцев, которые всегда сопровождают гостей. Среди пассажиров выделяется мощная тётя с букетом цветов и тремя детьми, которые сразу стали разбегаться, а тётя их ловить. Поймала. Подходит к нашим начальникам и представляется:

– Я – Мжаванадзе.

Немая сцена. Кстати, даже на грузинку совсем не похожа. Когда снимали с поста Мжаванадзе, ему припомнили и этот визит его супруги в Карелию.

Ещё один кадр

На остров Киж приехал, пожалуй, самый молодой тогда в 1970-е годы член ЦК КПСС. Я провёл с ним экскурсию, и перед расставанием фотокорреспондент ТАСС Семён Майстерман предложил сделать кадр на память. Член ЦК подошёл ко мне, обнял меня, и так мы снялись.

Только мы попрощались, Семён кричит:

– Мужики, ещё один кадр! Для профилактики. Теперь я уже обнимаю члена ЦК. И тут случилось нечто неожиданное. Он рванулся от меня в сторону. Потом медленно и вроде бы осторожно начал снова подходить ко мне и как-то почти неощутимо обнял меня. Так Семён нас и заснял.

Через какое-то время встречаю Майстермана, и тот меня спрашивает:

– Боря, что произошло тогда? Почему он от тебя так шарахнулся?

– Знаешь, Сеня, когда я его обнял, моя рука совершенно чётко легла на рукоятку пистолета, который у него в потайном кармане.

Что наша жизнь!

Доктор технических наук Сергей Николаевич Горшин, руководитель Сенежской лаборатории по консервированию древесины, всю жизнь занимался борьбой с гниением древесины.

Поэтому все его популярные лекции и выступле-

ния перед всякими некомпетентными в этом вопросе начальниками начинались с убойной фразы:

«Жизнь... Это гниение».

Бабушка, покажи свой дом

Это произошло в комплексной экспедиции Министерства культуры Карелии в 1979 году. Экспедиция занималась обследованием всех памятников деревянного зодчества на территории Карелии. Руководил экспедицией профессор Вячеслав Петрович Орфинский.

В одной из деревень наблюдаю такую картину: на крыльце старинного довольно ветхого дома сидит полная старушка, загородив вход в избу; перед ней стоит Вячеслав Петрович и о чём-то её упрощивает. Старушка не произносит ни слова. Вячеслав Петрович обращается ко мне:

– Борис Александрович, вы хоть что-то понимаете по-карельски? Бабушка ни слова по-русски.

– Действительно, что-то. Только отдельные слова.

– Можете попросить её показать нам дом?

– Честно говоря, не знаю. Попробую.

Я подхожу к старушке, здороваюсь и говорю:

– Бабой, качу, коди, – покажи, мол, дом.

Бабушка сразу оживилась.

– Х...вое коди.

Но в избу нас всё-таки впустила.

Шампанского, шампанского!

Смоей коллегой Светланой Васильевной мы приехали с экспедицией в поморское село Сумской Посад. Для начала зашли на вокзал, чтобы получить какую-то минимальную информацию. Маленький зал ожидания блистал только что сделанным ремонтом. И только у окошечка кассы красовались две надписи на стенке карандашом. Зато какие! «Кто носит куртку «Адидас», тому любая баба даст» и «Кто носит куртку «Леспромхоз», тот п...лей получит в нос». Кассир нам сказал, что можно остановиться здесь же на станции в междурейсовом доме отдыха машинистов. Мы разместились и пошли в село совершать подворный обход. Вечером, возвращаясь на постой, я зашёл в магазин купить бутылочку какого-нибудь полусухого, отметить приезд. Оказалось, что в Сумпосаде нет никакого алкоголя.

– Впрочем, кажется, у меня где-то лежит с давних пор бутылка шампанского. Возьмёте? – предложила продавщица.

Я взял и пошёл в номер к Светлане Васильевне. Она готовила уже что-то с молодой неразговорчивой женщиной Людой, которую поселили вместе с ней. Люда приехала в командировку по торговой части. Выпили бутылку, поговорили (мы со Светланой), и я ушёл к себе.

Назавтра вечером я снова зашёл к дамам. Уже без бутылки. Дамы так же готовили. Молчаливая Люда ногой что-то молча вытащила из-под кровати. Это что-то оказалось коробкой шампанского. Люда скромно сказала:

– Я же ревизор.

Шампанского хватило не на один вечер. Дамы, как они изволили выразиться, пузырились изнутри.

Чай в Сумпосаде

Утром снова со Светланой Васильевной идём в село. Подворный обход. В некоторых домах сидим подолгу. Часто угощают чаем. Иногда с шаньгами и кулебяками с рыбой. Как ни странно, но чаем угощают жидковатым, некрепким. Странно, потому что сам я родом из Поморья и знаю, что поморы, да и рабочие лесозаводов, предпочитают крепкий чай.

Наконец в одном доме у старого общительного хозяина я решился спросить:

– Странно. Сам родился на Белом море, в Умбе, бывал во многих деревнях по берегу. Везде пьют крепкий чай, а у вас в Сумпосаде жидкий. Не скажете почему?

– Скажу... От жадности. Сумской Посад раньше самое богатое село было во всём Поморье. Вон ряды домов как назывались: жемчужный, шоколадный да мармеладный. Бедных не было. А как всё это наживалось-то? Слушайте. Фёдор-то Савин у нас самый богатый был. И вот приходит к нему как-то молодой. Промышленником стать хочет. «Как да как вы, Фёдор Иванович, такой капитал себе нажили?» А на дворе темновато уже было. Фёдор Иванович встречает его на пороге со свечкой и проходит с ним в самую дальнюю комнату. А у него их не меньше десятка. Свечку на стол, фукнул на неё, а сам начинает штаны снимать. Молодой ему: «Что это вы делаете, Фёдор Иванович?» А тот: «Дак штаны-то дорогие, в Норвеге куплены». – И голой ж..ой на стул.

Во как капитал у нас наживали. А вы: «Чай, мол, жидкий». От жадности всё это. Капитал исчез, а жадность осталась.

Научный атеизм как наука

В конце 1970-х меня добровольно-принудительно вынудили ходить в университет марксизма-ленинизма при Доме политпроса. Когда мне уже от этого было не отвертеться, факультет я выбрал сам: факультет научного атеизма.

В программе было довольно-таки много лекций об истории православия, что мне было необходимо. Запомнилось выступление (в кулуарах) одного

из лекторов – этнографа Юго Юльевича Сурхаско. Он говорил так:

– Научного атеизма нет и быть не может. Каждая наука имеет объект изучения. Если нет Бога, то какая у нас наука? Если Бог есть, то какой может быть атеизм?

О великих русских мореплавателях

В Таллинском морском музее я был в 1970-х годах. Музей великолепный и по представленным экспонатам, и по художественному оформлению.

Но меня тогда умилили аннотации под портретами Беллинсгаузена, Коцебу, Врангеля, Литке, Крузенштерна. Под ними было написано следующее: «Великий русский мореплаватель. Немец по национальности. Уроженец Эстонии».

«Фальшивомонетчик»

Едем с женой из Москвы в Петрозаводск в купейном вагоне. Дверь открыта. Мимо идёт наш кижский приходской священник, отец Николай – современный молодой человек с великолепным чувством юмора. Видит нас и заходит в купе. Начинаем говорить о наших кижских проблемах. Отец Николай предложил выпить чаю:

– Я угощаю.

Сидим и пьём чай с лимоном, с сухарями, с печеньем, с шоколадом. Выпили, наверное, не меньше трёх стаканов каждый. Настал час расплаты.

Подходит проводница и говорит:

– С вас, батюшка, столько-то.

(Тогда только-только вошли в обращение бумажные пятирублёвки, которые просуществовали очень недолго.)

Отец Николай вытаскивает пачку новых хрустящих бумажек и подаёт её проводнице. Та пересчитала.

– Батюшка, здесь не хватает столько-то рублей.

Отец Николай вытаскивает из-под рясы ещё пачку и, вытирая пот с лица, молвит:

– Уф! Всю ночь печатал!

Все чада мои

На остров Кизи приехал новый священник, отец Николай, с которым мы были знакомы ещё до принятия им сана. Я знал, что он женат и имеет маленькую дочь, но никогда не видел их.

Захожу в деревенский магазин. Не протолкнуться. Здесь же и священник. В рясе. Рядом стоит грязная-прегрязная маленькая девочка и постоянно дёргает отца Николая за рясу. Я поздоровался и спрашиваю:

– Ваша?

Отец Николай глянул на замарашку и чуть ли не со страхом ответил:

– Что вы, что вы! Нет.

Помедлив несколько секунд, положил руку на голову девочки и произнёс:

– А впрочем, все чада мои, – чем искренне порадовал покупателей.

Ленин с нами

Мой бывший университетский преподаватель Евгений Павлович Еленевский нашёл в одном из дореволюционных изданий статью В.И. Ленина, подписанную неизвестным тогда науке псевдонимом. Об этом историк написал статью в престижный тогда журнал «Вопросы истории КПСС» и получил за это приличный гонорар. Он решил пропить его с группой друзей и знакомых, в число которых входил и я.

Мы собрались в садике личного домика Евгения Павловича в крохотном, уже не существующем переулке в районе улицы Шотмана. Мы сидели за живой зелёной изгородью так, что нас не было видно. Зато мы могли видеть всех, кто проходил мимо нас к автобусной станции.

Сидим. Пьём. Закусываем. Вдруг Евгений Павлович говорит:

– Допито. Смотрите, к нам идёт сам Владимир Ильич.

Счастье для всех, что я лично знал этого человека. Это был мой коллега по музею «Кижы», будущий известный учёный, поэт, художник, музыковед Вячеслав Агапитов. В те годы он удивительно был похож на молодого Ленина.

А если бы я его не знал? А?

Разговор человека с собакой

К нам в гости на остров Кижы приехали наши московские друзья: Андрюша, Кира, её мама с красивейшей доberman-пинчершей Дези. Всех пятерых мы поселили на чердаке только что отреставрированного амбара. Семья обладала старой туристической закалкой, и поэтому никто не жаловался. Перед расставанием Кира и Андрей вручили мне ключ от их квартиры, мол, когда будете в Москве, можете пользоваться им как вам будет удобно.

Прошло больше года. Я поехал в Москву, предварительно позвонив своим друзьям.

– Никаких проблем. У тебя же есть наш ключ.

Приехав в Москву поздно утром и, сознавая, что Кира и Андрей уже ушли из дому, с ключом в кармане я отправился к ним на Троицкую, где

они жили в маленьком двухэтажном особнячке на первом этаже. Я открыл дверь, вошёл в прихожую, она же кухня, сел за стол и включил электроплитку подогреть чай. На столе всё было для моего завтрака. Без единого слова из комнаты вышла четвероногая красавица и улеглась на пороге.

Я попил чаю и решил пойти в комнату, где стоял телефон, чтобы позвонить друзьям. Только я сделал шаг, как Дезика грозно зарычала. Я снова сел на место. Дези успокоилась. Я понял, что она не даст мне сделать ни шагу. После кратковременного испуга я решил поговорить с животным.

Я начал рассказывать Дези, кто я такой и где мы с ней встречались. Я рассказывал ей, как они с Кирой и Андрюшей жили на острове Кижы и как мы вместе гуляли по острову. Дези приподнялась, села и, склонив голову набок, несколько раз сменив позу, внимательно меня слушала. Потом она подошла с озадаченным видом и осторожно меня понюхала. Скоро осторожность эту она оставила и, кашляя и чихая, распутив соплю, обнюхивала меня всё дружелюбнее и дружелюбнее. Я понял, что с Дези уже можно и поговорить.

– Ну что, Дези? Узнала меня? Скажи мне теперь, где Кира и Андрюша?

Дези приветливо залаяла, замахав хвостом, и пошла в комнату, оборачиваясь на меня.

Страх мой прошёл окончательно, я понял, что уговорил красавицу, и пошёл за ней к телефону звонить Кире.

Фолке, что мы ищем?

Приехав уже не в первый раз в Хельсинки, мы позвонили нашему доброму старому знакомому ещё по Петрозаводску Фолке Ниеминену¹, много лет уже живущему в столице Финляндии. Он сразу же пригласил нас к себе в гости. Квартира Фолке, она же его мастерская, располагалась в центре столицы в доме модного в начале XX века «Югендстиле» на двух этажах. Фолке стал, пожалуй, самым популярным и высокооплачиваемым художником Финляндии: он портретировал многих государственных деятелей страны. Жена Паула занималась разведением королевс-

¹ Ниеминен Фолке Эйнович (1931–2010) – заслуженный художник РФ, лауреат премии Комсомола Карелии. Произведения Ф. Ниеминена находятся в Русском музее, Музее изобразительных искусств Карелии, других музеях России. С 1983 года жил и работал в Финляндии, где создал несколько сот произведений.

ких пуделей. С родоначальницей династии, чёрной пуделихой Сарой, мы познакомились. Она была очаровательна. Страстный книголюб Фолке восстановил почти полностью свою огромную библиотеку, которую имел в СССР. При переезде в Финляндию многие книги вывезти из СССР ему не разрешили. Интересно, что несколько книг из библиотеки отца он купил в Пори в букинистическом магазине. Отец сдал их ещё сорок лет назад в 1930-е годы, когда уехал в Советский Союз строить социализм. По словам Фолке, в его сказочной квартире-мастерской чего-то не хватало, и он пригласил меня пройти по антикварным (точнее по коммиссионным) магазинам Хельсинки.

Я был в восторге от этих магазинов. Само собой разумеется, в них был настоящий антиквариат. Меня удивило большое количество великолепной по исполнению и сохранности старинной крестьянской мебели, в том числе и с росписью. Но больше всего удивило другое. Тут же стояли по конечной цене обыкновенные прикроватные тумбочки. А в витринах-то... по цене до 10 пенни советские полусамодельные открытки, раскрашенные от руки: «Люби меня, как я тебя», «Жди меня, и я вернусь» и т.д.

Фолке в каждом магазине что-то спрашивал у продавцов, а те пожимали плечами.

Мы прошли, наверное, магазинов пять-шесть, и я наконец решился спросить:

– Фолке, а что мы ищем?

Фолке очень длинно-предлинно мне объяснил. Я здесь привожу его ответ в изрядном сокращении.

– Ты видел у нас в доме три ванны. Короче – две: на первом этаже, в мастерской можно не считать.

В одной ванне моемся мы с Паулой. В другой она моет собак. Так вот, ты видел в нашей ванной старинный ампирный сосуд на золотых (наверное позолоченных) львиных ножках. А у собак ванна попроще. Вот мы с тобой ищем ампирную на серебряных ножках. Нужна симметрия.

Я не знаю, нашёл ли Фолке такую ванну позже; мы с ним не нашли, но очень хочется, чтобы эта скромная мечта его сбылась.

Про шпионов. Анита

В самом начале 1990-х к нам в домик на острове Кижы зашёл замдиректора по научной части и сказал, что завтра приезжает кандидат филологических наук, фольклорист Татьяна Сенькина (невестка бывшего первого секретаря Карельского обкома КПСС И.И. Сенькина), а с ней американская русистка, тоже фольклорист, Анита Санди. Разместятся они в соседнем домике, так что пообщайтесь с ни-

ми, чаю выпейте и всё такое. Мы обрадовались. Татьяну Сенькину мы хорошо знали: в одно время учились в университете и бывали в одной компании.

Назавтра приходят Таня с Анитой. Анита – обаятельная молодая женщина, приветливая, улыбочная, общительная, на русском говорит как мы с вами. Кроме вина и закуски дамы привезли целый ворох последних советских изданий. Я удивился такому вроде неожиданному интересу, на мой взгляд, аполитичной Тани к сегодняшней политике. Оказалось, что вся эта куча прессы принадлежит Аните, которая куда лучше нас разбирается в том, что происходит, и в Съезде народных депутатов, и в правительстве, и в ЦК КПСС. Таня с Анитой собрались поехать по деревням в окрестностях Кижей и сделать ряд фольклорных записей. Аниту больше всего интересовали тексты старинных русских заговоров. Кроме Заонежья Анита собиралась ещё и на Урал.

Анита была очаровательна. Приходя вечером к нам на чай и помахивая новыми газетами, она прежде всего громко и искренне провозглашала:

– Нельзя так жить, ребята!

И не согласиться с ней было нельзя. Большинство из нас, кто жил в начале 90-х, считало так же.

Когда Анита на минуту вышла, я спросил у Тани:

– Как успехи?

– Кое-что записали. Но вот что меня удивляет: я включаю диктофон, только когда идёт материал, Анита же постоянно держит его включённым.

– А что ты удивляешься. Она же шпионка и в ваших заговорах ничего не понимает. У них свои заговоры.

– Как ты можешь так говорить. Что ей у нас шпионить?

– Наше с вами отношение к происходящему. Вот что её интересует.

Тут Таня, на мой взгляд, очень к месту вспомнила, как Анита работала в Карельском архиве. Легла на лавочку у входа в архив и заснула, пока милиционер не разбудил. Скучно было девушке сидеть в каком-то там архиве. Анита, можно сказать, ела из моих рук. Она нахваливала мои борщи и рассольники, как в Кижях, так и в Петрозаводске. Я был счастлив, что кулинарно угодил девушке. Анита была очень благодарным едоком. Дамы поехали по деревням, уехали и вскоре пригласили нас с Виолой в Петрозаводск на проводы Аниты.

Таня и Анита готовили на кухне закуски и курицу с кабачками. Кроме них на кухне сидел молодой человек Виталик, как нам тогда подумалось, кавалер Аниты. Юноша не очень-то разговорчивый. Сели. Выпили за здоровье Аниты. Закусили. Анита пошла в комнату на антресолях собирать вещи. Виталик пошёл за ней. Через какое-то время

спускается Анита вся в слезах и сказала Тане, пока не слышал Виталик, что многое из её приобретений Виталик не разрешил ей забрать с собой.

– Ну, всё понятно? – спросил я Таню.

Анита уехала, оставив свой американский адрес. Позже я послал ей один заговор, который когда-то был у моей бабушки. Ни ответа, ни привет. Хотя сразу после отъезда она прислала Виоле (почему-то из Вильнюса) несколько глянцевого западных журналов; у нас они были ещё редкостью.

Через некоторое время встречаю чекиста, курившего нашего музей, и спрашиваю:

– Валентин, Анита шпионка?

– А ты как думаешь?

– Так и думаю.

– Ну и правильно думаешь.

Про шпионов. Эдмунд Эдмундович

Было мощное сидение в мастерской великого радетеля за судьбы русского искусства Саввы Васильевича Ямщикова. За широким столом сидели художники Сергей Алимов и Борис Мессерер, кинорежиссёры Юлий Файт и Денис Евстигнеев, хоккеист Вячеслав Старшинов, легендарный псковский кузнец Всеволод Смирнов. В общем, кого только там не было. Меня Савва посадил рядом с молодым юношей, которого звали Костя. Он пришёл с милым пожилым человеком, которого Савва называл Эдмундом Эдмундовичем.

– Костя, а вы кто? – спросил я. На мой взгляд, Костя как-то выбивался из компании друзей Саввы.

– Я парикмахер.

Странный юноша. В это время в Советском Союзе не только не было секса, но не было и стилистов с визажистами.

Я тихонько спросил Костю:

– А кто такой Эдмунд Эдмундович?

На что Костя мне тихонько ответил:

– Неужели вы не знаете? Это корреспондент «Санди Таймс» Эдмонд Стивенс.

Слышать о нём я, конечно, слышал. Даже читал в мемуарах И. Эренбурга о том, как Стивенс стал постоянным корреспондентом «Санди Таймс» в СССР ещё со времён Великой Отечественной войны и даже якобы ему подарили целый особняк в центре Москвы. Слышать-то слышал, а теперь и познакомились.

Эту парочку я встретил через пару дней в Театре на Таганке. Мы встретились как добрые старые знакомые и наперебой хвалили друг другу Виталия Шаповалова (Понтий Пилат) и Ивана Дыховичного (Коровьев). Восхищались цирковыми

приёмами на сцене; особенно Геллой, которая непонятно как завязывалась узлом.

Через много лет уже после смерти Э. Стивенса я спросил Савву:

– А Эдмунд Эдмундович – шпион?

– Разведчик. И многих разведок.

До сих пор не знаю, пошутил Савва или нет. Мог ведь и пошутить.

За что я полюбил Америку

Не любил. Каюсь. Но вот в день избрания президентом Дональда Трампа мне позвонил мой бывший коллега по Кижам (даже больше – бывший начальник), рыбак и охотник Олави (бывший американский, потом советский, потом снова американский финн). Олави иногда звонит мне, и мы просто болтаем: о старых кижских делах, о знакомых, о книгах; я послал Олави через его внука, тоже Олави, свою последнюю книгу «Любите ли вы театр... А цирк?».

Олави живёт на Аляске в своё удовольствие. Охотится и рыбачит.

Я говорю:

– Олави, поздравляю тебя с очень важным днём в истории Америки!

А он мне:

– Да? Я не понимаю, с чем ты меня поздравляешь.

– У вас новый президент.

– И кто? Я ничего не знаю.

– Дональд Трамп.

– Ну, ну.

По-моему, прелестная страна.

Старый еврей

В Петрозаводском Театре русской драмы начали репетировать спектакль для детей «Царевна-лягушка». В фойе я встретил актёра Валерия Израэльсона и спросил его, занят ли он в спектакле.

– Занят, – ответил мне актёр.

– А кого вы играете?

– Кого мне играть! Опять я играю старого еврея.

– Старого еврея в русской сказке?

– А то! Я выхожу на сцену и говорю: «Фу, фу. Опять русским духом запахло».

Валерий играл в «Царевне-лягушке» Кощера Бессмертного.

«Чиполлино» по Николаю Островскому

В Петрозаводском Театре русской драмы шёл утренний премьерный спектакль по детской книжке Джанни Родари «Приключения Чиполлино». Мастера Капусту играл замечательный артист Юрий Сергеевич Гришмановский. Актёр

славился ещё и своей находчивостью в те моменты, когда забывал текст.

Идёт такая сцена: Мастера Капусту в тюрьме приговаривают к смертной казни. Сеньор Помидор говорит ему:

– Готовься, Капуста. Завтра ты расстанешься с жизнью.

Юрий Сергеевич немного помолчал... и пошёл:

– Да... Самое дорогое у человека – это жизнь. Она даётся ему один раз, и прожить её надо так, чтобы не было мучительно больно, чтобы не жёл позор за бесцельно прожитые годы, чтобы не жёл позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы умирая...

Капуста вкладывал в слова больше и больше пафоса. Я не мог выдержать и захохотал. Дети с огромным удивлением смотрели на смеющегося дядьку. На сцене Капусте в оба уха шептали текст сеньор Помидор и Горошек. Действие с трудом вернулось в солнечную Италию.

А мы что говорили!

В Петрозаводском Театре русской драмы шёл детский спектакль по грузинской сказке «Чинчирака». Главный герой, которого играл молодой актёр Анатолий, по ходу действия спрашивал юных зрителей:

– Ну не дурак ли я?

И зрители отвечают:

– Конечно, дурак.

Анатолий соглашается:

– Вот и я говорю, что дурак.

Из зала:

– А мы тебе что говорим.

Анатолий, конечно же, выкрутился, но не сразу, чем изрядно повеселил юных зрителей.

Невинный заболел

Это произошло где-то в 1980-е гг. Будучи в Москве, я решил посмотреть во МХАТе новый спектакль по пьесе М. Рощина «Старый Новый год» в постановке Олега Ефремова. Спектакль шёл в филиале на улице Москвина, где теперь Театр наций. Пришёл я туда, помнится, заранее, надеясь что-то съесть в театральном буфете.

Принимая у меня куртку, гардеробщик радостно сообщил:

– Вам повезло. Невинный заболел.

Видя мою недоумённую реакцию и не видя радости на моём лице, он с особой гордостью продолжил:

– Сегодня вместо него сам Олег Николаевич играет.

А я подумал, что всегда серьёзный на сцене и

на экране О. Ефремов никак не может заменить столь яркого комедийного артиста.

Олег Ефремов играл оголтелого мещанина Петра Себейкина, и первая фраза его героя звучала так:

– Клаша, там мужики пианины привезли. Ты одну заказывала или две?

С этой «пианиной» была ещё одна замечательная сцена. Пианино-то есть, а играть никто из хозяев и гостей не умеет. Один из гостей (студент) наигрывает одним пальцем «собачий вальс». Ефремов со слезами умиления на глазах выходит на авансцену, внимательно слушает (это было надо видеть, как он слушал) и с пафосом произносит:

– Вот так играть надо!

Зал покатывается со смеху, глядя на плачущего от музыки Ефремова.

Запомнилась ещё одна коронная фраза героя:

– Если наши дети хуже всех учатся, то пусть они лучше всех одеваются.

Гардеробщик оказался прав. Казалось, вроде бы обычная серьёзность артиста привела к прямо противоположному эффекту – ярчайшему комедийному образу.

А по телевизору в телефильме эту же роль играет Вячеслав Невинный, и, по-моему, он излишне комикует. Я начинаю смотреть телевизор и быстро выключаю, потому что Олег Николаевич Ефремов в этой роли незабываем.

Олег Павлович. Вторая встреча

Осенью 1996 года я с радостью ходил в «Табакерку» на репетиции спектакля по пьесе А. Богдановича «Прощайте и рукоплещите», которую ставил сам художественный руководитель театра Олег Павлович Табаков. Об этом я не раз писал в своих воспоминаниях: «Часы любви в «Табакерке» и «Так хочется ансамбля» («Не только о Кижках», Петрозаводск, 2004; «Любите ли вы театр... А цирк?», Петрозаводск, 2015). Перед отъездом я оставил Олегу Павловичу на всякий случай с крохотной надеждой одну из своих пьес. Приехав в Москву через два года, я зашёл днём в «Табакерку» и через «правую руку» Олега Павловича Ларису получил приглашение на спектакль по пьесе Т. Уильямса «Старый квартал», которую поставил А. Житинкин. До этого здесь же я видел житинкинский спектакль «Псих» с С. Безруковым, который меня потряс. В «Старом квартале» А. Житинкин развивал ту же тему – трагичность бытия художника в обществе. Но «Квартал» как-то впечатлил меня чуть меньше. Я и ляпнул это Ларисе, которую пришёл поблагодарить на следующее утро. Мы разговаривали с ней в коридорчике театра, где двери всех кабин-

тов почему-то были открыты. Похоже, что в них в это время никого не было.

Лариса мне и говорит:

– А Олегу Павловичу слабо́ это же сказать? Он у себя в кабинете.

Я с дрожью в голосе сказал: «Не слабо́», – и вошёл в кабинет.

Думая, что Олег Павлович успел меня подзабыть, я решил представиться:

– Здравствуйте, Олег Павлович. Театральный обозреватель газеты «Лицей» из Петрозаводска Борис Александрович Гуцин.

Олег Павлович встаёт из-за стола и очень важно представляется:

– Олег Павлович Табаков. Режиссёр и актёр из Москвы.

И сразу же пошёл театр для одного зрителя. Резко отвернувшись, мэтр запричитал:

– Не читал я вашей пьесы. Не читал. Нет ни минуты времени. Ставим всякую ерунду, как вы заметили, ни на что времени не хватает. Вот и Андрей Альбертович (Житинкин) постоянно на это жалуется. Может, потому вам и не понравилось. (Мне спектакль понравился, но «Псих» всё-таки больше.)

И сразу же серьёзно:

– Садитесь. Рассказывайте о вашем впечатлении.

Олег Павлович очень внимательно меня выслушал, и, как я понял, путь на репетиции к нему мне был по-прежнему «не заказан». Позже я побывал у него на репетициях «На всякого мудреца довольно простоты», где легко и радостно репетировали Евгений Миронов и Наталья Кочетова. Мне повезло вдвойне, так как в телевизионной версии эти роли играли Сергей Безруков и Ольга Блок-Миримская.

Олег Павлович. Третья встреча

В 2008 г. у меня вышла в Петрозаводске книга «Тысяча вторая ночь». Я взял её с собой, когда мы с женой летом поехали в Москву, надеясь подарить её Олегу Павловичу. Сразу же позвонил одной своей хорошей знакомой в МХТ и узнал, что прямо сегодня в книжном магазине «Библио-глобус» пройдёт презентация второго издания автобиографической книги О. Табакова. (Первое издание с автографом у меня уже было.)

Стоял жаркий июль. Мы отправились в магазин. Пришли заранее. Народу – не протолкнуться. Презентация будет в подвальном этаже с низкими потолками. Я почувствовал, что не смогу перенести этой страшной духоты, и предложил жене уйти. Мы начали через толпу протискиваться к выходу. Вдруг жена и говорит мне:

– Смотри, кто идёт прямо на нас.

Шёл Олег Павлович со своей свитой. Мы столкнулись лоб в лоб. Я, как всегда, представился и сказал, что хочу подарить ему свою новую книгу «Тысяча вторая ночь». Олег Павлович патетически и очень смешно произнёс:

– За что?! – и милостиво принял подношение.

К сожалению, нам всё-таки пришлось уйти. Интересно, полистал ли Олег Павлович мою книгу.

Знакомство

Мы с петрозаводским режиссёром Ольгой Карклин начали снимать по моему сценарию художественный фильм «Прикоснуться к тебе», навеянный образом великого Параджанова. Решили обратиться за помощью к председателю армянской диаспоры Эдуарду Бабаяну.

Пришли. Подают друг другу руку.

– Ольга Адольфовна.

– Эдуард Наполеонович.

– Давайте без отчества.

О происхождении человека

В 1970-е годы я по туристической путёвке путешествовал по Западной Украине. Приехали мы в посёлок Скала Подольская, где были знаменитые гипсовые пещеры. Красота необычная. Особенно с подсветкой. Недалеко от пещер – стоянка первобытного человека. Здесь же реконструкция облика пращура. И вот что сказал нам по этому поводу экскурсовод:

– Учёные доказали, что человек произошёл от обезьяны. Но наши украинские учёные доказали, что человек произошёл не просто от обезьяны; он произошёл от нашей украинской обезьяны.

Наша группа оказалась вежливой, и среди нас раздавалось только слабое подхихикивание. Зато вечером за рюмкой мы оттянулись по полной. Исследований о происхождении древних укров ещё не было.

Он ещё и поёт!

Первый секретарь Карельского обкома КПСС Иван Ильич Сенькин, плотный черноволосый человек не особо высокого роста, часто бывал на острове Кижы со всякими высокопоставленными гостями. Нам с Виолой иногда доводилось водить их по музею.

Мы перед Новым годом купили наш первый телевизор и в новогоднюю ночь сидели перед ним за столом с напитками и закусками.

Шёл концерт, и я вдруг в артисте, поющем, ка-

жется, «Дубинушку», узрел знакомого до боли Ивана Ильича. У меня невольно вырвалось:

- Он ещё и поёт!
- Кто? – спросила жена.
- Сенькин.
- Ты что! Это же народный артист СССР Борис Штоколов.

Штоколова я увидел впервые. И правда, он оказался очень похожим на И.И. Сенькина.

Как у вас с полостью?

На Карельском телевидении когда-то редактор Татьяна Мешко и режиссер Валерий Ананьин организовали, на мой взгляд, интересные 10-минутные передачи «Слово», куда приглашали как поэтов, так и прозаиков.

Однажды перед записью в коридоре студии нас собралось несколько человек. С павильоном произошла какая-то заминка, и мы сидели, знакомились, болтали о делах литературных и т.д. Я разговорился с поэтессой по имени Светлана. И вдруг всю эту поэтическую атмосферу Светлана нарушает весьма неожиданным вопросом, обращённым ко мне:

– А как у вас с полостью?

Я опешил. С какой полостью? Опомился, когда Светлана сказала мне, что она врач-стоматолог. Знакомство оказалось весьма полезным. Так я познакомился с поэтессой Светланой Родионовой.

Могу гордиться и тем, что когда-то один из зубов мне вылечил Лев Борисович Эренбург, известнейший и интереснейший режиссёр, когда-то ведущий театральный курс в Петрозаводске, а заодно работавший врачом в стоматологической поликлинике.

Идеальный муж

Шла новогодняя передача Карельского телевидения. Телевизионщики собрались у себя в студии, делились со зрителями своими достижениями и показывали фрагменты из наиболее удачных передач. Зашёл разговор о премировании фильма Татьяны Мешко «Люди острова Киж». На экране Татьяна Александровна спрашивает кижанку Анну Васильевну Мошникову, которую за глаза все называли «бабкой Мошкой» за её малый рост:

– Анна Васильевна, а муж-то у вас хороший был?

– Хороший. Такой хороший, что ни разу даже на х... не послал. (Подруги Анны Васильевны утверждали прямо обратное.)

Затем на экране возникает одухотворённое лицо главного редактора телевидения Анны Викто-

ровны Цунской, которая мечтательно и задушевно произносит:

– Надо же. Даже ни разу на х... не послал.

Я в жизни так не хохотал над передачами Карельского телевидения, о чём тут же сообщил по телефону собравшимся. Заодно и с Новым годом поздравил.

Да что ты понимаешь в кино, Рита

Мой друг саксофонист, лауреат международных конкурсов Валера в описываемое время был не очень начитанным и насмотренным человеком: занимался исключительно музыкой. Но это был (и есть, к счастью) человек, очень тонко воспринимающий и по-своему понимающий, пожалуй, все виды искусства.

В 1960–1980-е годы были праздники на стадионах «Товарищ, Кино», где знаменитые киноактёры выступали перед зрителями. Валере предложили участвовать в одном из таких праздников. Он был членом маленького ансамбля, с которым стала выступать на стадионах известная актриса Маргарита Терехова. Валера, конечно же, подружился с ней. И вот как-то сидят они в гостиничном номере, пьют, наверное, чай, и у них зашёл разговор о кино. Выпивший чаю Валера и говорит:

– Да что ты понимаешь в кино, Рита. Ты наверняка не видела моего любимого, просто гениального фильма «Зеркало». Его ведь показывали вторым, а то и третьим экраном. Вот где настоящее кино! А всё остальное – мур!

На что Рита, к счастью не обидевшись, со смехом ответила:

– Валера, да ведь я там главную роль играю.

Валера не поссорился с Ритой и усиленно и успешно занялся самообразованием.

Кто в театре главный

Было это в голодные 1980-е годы. Мой студенческий приятель Шурик стал заведующим постановочной частью Финского театра. Проработал он там недолго. Проштрафился. Алкоголь. Из театра его уволили «по статье».

Прошёл месяц. Мы с женой пришли в театр на премьеру. Рядом с нами, к нашему удивлению, помахивая красивым приглашением от директора театра Тойво Хайми, садится Шурик. Я удивлённо спрашиваю:

– И он тебя приглашает на премьеры?

Шурик после таинственной многозначительной паузы спрашивает:

– А вы знаете, кем я теперь работаю?

– Кем?

– Рубщиком мяса в гастрономе на Первомайском проспекте.

Я подумал, что если мы и дальше так будем жить, то Шурик в конце спектакля будет выходить на поклон вместе с артистами.

Нанотехнологии

Мы с женой пришли на спектакль в Театр-школу современной пьесы, что на Трубной. Идём по лестнице, а по стенам развешаны фотографии актёров, на вид неказистые – чёрно-белые, в простеньких рамках. В общем, не привлекают на себя внимание своей простоватой скромностью. Вдруг я обратил внимание на фотографию одного актёра с поникшей головой. Лица у него совсем не было видно. «Странно», – подумал я и подошёл поближе. Актёр на фотографии очнулся, поднял голову, подмигнул мне и снова уронил голову. «Ага! Тут что-то есть», – дошло до меня.

«Виола, смотри, какие у них фотографии», – сказал я жене, и мы подошли к фотографии главного режиссёра театра И.Л. Райхельгауза, с которым я был знаком. Режиссер с недовольным видом сидел на табуретке. Я подошёл к фотографии и сказал: «Здравствуйте, Иосиф Леонидович». Вид у режиссёра сменился на ещё более недовольный, он встал и ушёл. На фотографии остался один табурет. Тут я вспомнил, что Иосиф Леонидович как-то вспоминал, что его соседом по даче является Анатолий Борисович Чубайс, главный специалист по нанотехнологиям. Так что мы увидели апофеоз нанотехнологий.

Поздравленьце

Ко мне подкрадывался юбилей. Об этом как-то узнала редактор Карельского радио Татьяна Шидловская и решила поздравить меня по радио. Таня по телефону начала договариваться со мной об аудиенции, а я, не знаю почему, начал отнекиваться. Кажется, Таня всё время предлагала неудобное для меня время. Наконец мы договорились о встрече у фонтана на углу Ленина и Кирова. Мы встретились, Таня включила диктофон и начала меня мучить; мучить, потому что мне пришлось рассказывать о своей жизни от дня рождения до сегодняшнего дня. Я рассказывал довольно-таки долго, понимая, что почти всё это в поздравление не пойдёт. Когда мне собственный рассказ надоел, я сказал:

– Вообще-то я уже лет 40 здорово обижен на ваше Карельское радио.

– Что же так? Чем провинилось перед вами наше Карельское радио?

– А вот чем. В 1961 году на первом курсе универ-

ситета мы были на картошке в деревне Ряймьяля тогда Олонецкого района. Однажды после работы мы всей бригадой пошли в клуб на танцы. Был яркий солнечный день, и вся выкопанная за день картошка была оставлена на поле. Перед походом в клуб мы погладились и надели чистые рубашки. Только начали оттягиваться, как небо заволочило тучами, и оно стало чёрным. Кто-то из парней крикнул:

– Ребята, бежим на поле! У нас ведь картошка не укрыта!

И мы, ты можешь не поверить, побежали. Укрыли брезентом и вернулись в клуб. Помню, танцуем, а от нас пар идёт.

Через день с Карельского радио приехал корреспондент. Поговорил с нами и сказал:

– Ребята, заказывайте какие угодно песни или ещё что-то. Мы для вас исполним.

Мы с другом Толей подошли к микрофону и сказали примерно следующее:

– Боря и Толя из деревни Ряймьяля хотят послушать Чучу из «Серенады Солнечной долины».

Мы это произнесли на манер тех заявок, которые делались советской молодёжью на «вражьи голоса», в частности на «Музыкальный обоз» Би-Би-Си без упоминания фамилий.

Корреспондент уехал с возгласом:

– Ребята, слушайте Карельское радио!

Так вот, Таня, я уже сорок лет слушаю Карельское радио и всё не могу дождаться «Чаттанугу чучу».

Таня всё это записала и сказала, чтобы я слушал радио утром в день рождения.

В это самое утро я включил радио. Вот зазвучал милый многообещающий Танин голос. Она буквально в двух словах сказала, кто я такой и что у меня сегодня юбилей, с которым она меня и поздравляет, а потом спрашивает:

– А чем это вы, Борис Александрович, обижены на наше Карельское радио?

Дальше идет рассказ о совхозе и наша просьба:

– ...Боря и Толя из деревни Ряймьяля хотят послушать «Чучу» из кинофильма «Серенада Солнечной долины»... Так вот, Таня, 40 лет слушаю ваше радио, а «Чаттанугу чучу» так ни разу и не услышал.

Чуть слышным фоном при всём этом трёпе идёт «Чаттануга».

Голос Тани:

– Так вот, Борис Александрович, вы и сегодня не услышите вашей любимой «Чаттануги». Ваше эфирное время кончилось.

Отомстила!

Что тут началось!

Было множество телефонных звонков, даже от малознакомых людей, которые со смехом позд-

равляли меня с юбилеем. Я был счастлив, ибо был уверен, что так смешно не поздравляли по радио никого. Только одна знакомая спросила:

– И ты не обиделся?

– Да что ты!

Я навсегда остался благодарен Тане за это поздравление.

А на радио мне подарили диск с «Серенадой Солнечной долины».

Б снова в мавзолее

Было это в самом начале 90-х. Когда я приезжаю в Москву, всегда прихожу на Красную площадь. Для меня это самое красивое место в мире. Кроме того, у меня именно здесь возникает ощущение, что всё это именно моё и именно для меня.

Приехал. Пришёл. А в эти дни бушевали страсти на съезде народных депутатов. Анатолий Собчак предлагал чуть ли не в каждом своём выступлении убрать Ленина из мавзолея. Ещё недавно поэт Андрей Вознесенский предлагал убрать Ленина с денег. Убрали. Показалось мало. Мавзолей закрыли. Похоже, навсегда. Караул сняли. Вот стою я у закрытого мавзолея. Рядом со мной какой-то старый коммунист на чём свет стоит ругает ельцинско-горбачёвскую камарилью. Полное торжество демократии. И вот перед нами открываются двери мавзолея. У входа (внутри, а не снаружи) появляются два офицера, кажется, в светло-синей форме. Мы у них спрашиваем:

– Можно зайти?

– Пожалуйста, пожалуйста.

Я ляпнул:

– Ну вот, наверное, в последний раз.

На что коммунист ответил:

– Типун вам на язык.

Мы зашли. На лестнице изредка стояли попарно офицеры и делали нам двумя руками знаки наподобие тех, что делают гаишники: туда, мол, идите, туда. Владимир Ильич переоделся к этому моему приходу. Если раньше на нём был коричневый френч с орденом на красной подкладке, то теперь он лежал в тёмном костюме и при галстуке.

Нас было только двое. Мы прошли вдоль Кремлёвской стены молча, каждый думая о своём. Я же думал о том, что всё это сделали наши предки, имея перед собой высокую цель, а Ленин перевернул всю мировую историю. Так что как вы ни относитесь к нашей истории, но на Красной площади пусть так и будет.

Борис Александрович ГУЩИН

(род. в 1941 г.).

Долгое время работал старшим научным сотрудником Государственного историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника «Киж».

Историк, этнограф, писатель, театральный критик, член Карельского Союза писателей и Союза театральных деятелей.

Автор книг «Не только о Кижсах. (Картинки прошлого, повести, рассказы, пьесы, из воспоминаний)» (2004 г.),

«Тысяча вторая ночь» (2011 г.),

«Любите ли вы театр?.. А цирк?..» (повести, рассказы, воспоминания, пьеса, отзывы на спектакли) (2015 г.).

Постоянный автор журнала «Север» с 1976 года.

Живёт и работает в Петрозаводске.

